

Тунтян посмотрел на стоящего перед ним юношу и подумал: если в один прекрасный день Юаньши забьет Фан Цану до смерти, в этом не будет абсолютно ничего удивительного.

— С чего это ты вдруг вздумал забрать Куньсюаня и вырастить его? — вздохнув, спросил Тунтян.

Фан Цану невинно хлопал глазами, выглядя чистым и милым, и серьезно ответил Тунтяну:

— Я делаю это, чтобы Куньсюань не стал матушкой-мужчиной для Чжуньти.

В свое время, после битвы при Сэньшэне, Чжуньти забрал Куньсюаня на Запад, а Куньсюань не захотел подчиняться и проглотил Чжуньти. В итоге Чжуньти прорвал ему спину и выбрался из живота Куньсюаня, а из-за всей этой заварушки Чжуньти стал называть Куньсюаня Матерью Будды.

И надо же такому случиться: великий мужик был вынужден стать матушкой-мужчиной для Чжуньти — до того жалко, что и сказать нечего.

Однако Тунтян ни единому слову Фан Цану не поверил.

— Говори, что ты затеял на самом деле? Иначе я тебе не помогу, — пригрозил Тунтян, зажав щеку Фан Цану в пальцах и понизив голос.

Фан Цану от такого обращения чуть не расплакался, но все же с сильным чувством справедливости заявил:

— Враг моего врага — наш друг, а друзья нам нужны.

Тунтян холодно усмехнулся, уставившись на маленького дракона с полным лжи ртом:

— Куньсюань в это время еще не враждует с Западом, зато у него хватает старых обид с вашим Кланом Драконов.

— Говоришь или нет? Если нет, я твое лицо в манты превращу, — снова пригрозил Тунтян.

Фан Цану мгновенно соорудил обиженную физиономию и, с покрасневшими глазами, бросил Тунтяну:

— Ты такой ужасный.

Тунтян посмотрел на слегка покрасневшие глаза Фан Цану, и хватка на его щеке сразу

ослабла; он даже начал сомневаться, не слишком ли жестоко он обошелся с ним. Однако в следующую секунду Тунтян услышал слова Фан Цану:

— Разве тебе не кажется потрясающей эта способность Божественного Света Пяти Цветов забирать что угодно?

Сказав это, Фан Цану еще и подмигнул Тунтяну с невероятной хитростью.

— Так ты ради Божественного Света Пяти Цветов стараешься? — остоленел Тунтян.

— Конечно! — воодушевленно воскликнул Фан Цану. — Разве тебе не кажется, что это такое кайфовое зрелище — когда Божественный Свет Пяти Цветов сметает только что добытые сокровища этой парочки с Запада?

С точки зрения Фан Цану, забрать с помощью Божественного Света Пяти Цветов свежие сокровища западных небожителей — это все равно что в самый разгар лета отнять у кого-нибудь ледяную газировку: чистейшее наслаждение.

Тунтян немного подумал и понял — и впрямь здорово, даже сердце затрепетало.

— Тогда я отведу тебя за яйцом павлина, — поддался искушению Тунтян.

Едва замолкли слова, как Тунтян принялся гадать: его движения были плавными, как текущая вода, выдавая в нем привычного к этому делу мастера.

Стоявший рядом Фан Цану бросил не в меру вовремя:

— А ты ловко управляешься.

Услышав это, Тунтян невольно замер на полуслове.

— Когда меня выкрали из Дворец Дракона, все было точно так же, да? — продолжал Фан Цану, подперев подбородок рукой.

Верно, Тунтян был опытным похитителем яиц.

Тунтян на мгновение застыл, но тут же продолжил гадание, одновременно обращаясь к сидевшему рядом маленькому дракону:

— Я в прошлом и я в настоящем — это совершенно разные люди.

Закончив говорить, Тунтян еще и утвердительно кивнул.

Фан Цану почему-то потерял нить разговора — с чего это вдруг обсуждение приняло столь философский оборот? — и решил зайти издалека.

— Ты знаешь Гегеля?

— Знаешь марксизм?

— Знаешь диалектический материализм?

Тунтян нахмурился и переспросил в ответ:

— Это еще что такое?

Его давным-давно заточили во Дворец Цзысяо, и его представления о мире смертных застряли еще на эпохе Шан.

— Да так, всякая чепуха, мешающая совершенствованию, — уныло бросил Фан Цану. Он-то думал, что Тунтян попал в Хунхуан из современности, но оказалось, показалось — теперь о некоторых снеках и играх придется тосковать в одиночку.

Услышав, что все эти вещи мешают культивации, Тунтян тут же потребовал:

— Тогда забудь про них начисто.

— Ладно, — послушно согласился Фан Цану.

Вскоре гадание Тунтяна принесло плоды.

Юань Фэн спрятал своих чад на славу, но Тунтян все же вычислил тайное убежище Куньсюаня.

— Пошли, я отведу тебя, — Тунтян взял Фан Цану за руку и направился на Запад.

Полею боя в давнем Великое бедствие Драконов и Фениксов как раз и был Запад, а поскольку Юань Фэн произвел на свет потомство перед самым началом войны, спрятать детей они могли только там.

Фан Цану устроился на облачке и радостно болтал ногами:

— Я чувствую всю прелесть воровства из пасти тигра.

Тунтян прищурился и протянул руку, чтобы потрепать Фан Цану по голове — он чувствовал то же самое, стоило им отправиться грабить Запад, как на душе становилось радостно.

Облако опустилось, и Тунтян с Фан Цану вошли в пещеру. Разрушив защитную формацию, оставленную Юань Фэном снаружи, их взорам предстало яйцо, источающее мириады сияющих лучей.

— Какое большое, — Фан Цану не удержался и сглотнул слюну.

Тунтян с удивлением посмотрел на Фан Цану, внезапно вспомнив его слова о том, что он не прочь сварить Куньпэна.

— Я уже целую вечность не ел яичницу, — Фан Цану протянул руку и тоскливо утер слюну, покотившуюся из уголка рта.

Павлинье яйцо в глубине пещеры, казалось, почуяло неладное — по его скорлупе вдруг пробежал Божественный Свет Пяти Цветов, и в одно мгновение Копье из Драконьей Кости из рук Фан Цану утянуло прямо к яйцу.

— Это что, разоружение? — в глазах Фан Цану всхитнулось восхищение; он решил, что в будущем непременно будет брать Куньсюаня с собой на драки. Пусть Куньсюань разоружает противников, а он сам — охаживать их Копье из Драконьей Кости.

Тунтян вздохнул и предостерег:

— Перестань сглатывать слюну, ты его пугаешь.

— С чего это? На моем лице — чистой воды слезы умиления, — серьезно возразил Фан Цану.

Тунтян тяжело вздохнул, не в силах больше на это смотреть, подошел прямо к павлиньему яйцу и произвел:

— Я — Шанцин Тунтян, хочешь стать моим учеником?

Глаза Тунтяна опустились, а в голосе проступило мягкое тепло, однако павлинье яйцо и ухом не повело — оно вдруг взмыло вверх и больно толкнуло Тунтяна в поясницу.

Хотя удара он избежал, увернуться вышло не слишком ловко, и вид у него был несколько потрепанный. Тем временем Фан Цану хлопал в ладоши, словно тюлень, вспоминая, что сам он

в бытность яйцом дать сдачи не умел.

Тунтян беспомощно посмотрел на Фан Цану и не удержался от упрека:

— Чему ты радуешься?

Фан Цану фыркнул, подошел вплотную к павлиньему яйцу и наступил на него ногой.

— Не хочешь в ученики к нему — станешь моим обедом!

— Яичница-глазунья, вареное яйцо, омлет, печеное — выбирай сам!

Заметив, что яйцо под ногой снова зашевелилось, Фан Цану надавил сильнее, но никак не ожидал, что павлинье яйцо возьмет и треснет.

— А-а-а-а, оно треснуло! Оно треснуло! — лицо Фан Цану исказилось от ужаса, он никак не предполагал, что действительно сможет раздавить яйцо павлина.

Разве яйца Клана Фениксов не обладают максимальной защитой? Почему оно треснуло под его ногой? Вспомнив, что птицы принимают за родителей того, кого первого видят после вылупления, Фан Цану был готов провалиться сквозь землю.

— Пить...

Вылупившийся Куньсюань не стал звать маму, а вместо этого клюнул Фан Цану в ногу.

— Ай, больно! — Фан Цану едва не расплакался.

Стоявший рядом Тунтян поспешно поддержал Фан Цану и успокоил:

— Это не ты его раздавил, он просто подоспел вовремя.

— Да разве я из-за скорлупы переживаю? — с покрасневшими глазами выдал Фан Цану. — Меня вообще-то в ногу клюнули!

Тунтян невольно опустил взгляд на ноги Фан Цану: юноша издавна обожал ходить босиком, и этот раз не стал исключением. Вот только на его изящной, словно из белого яфри, стопе красовалось красное припухшее пятно, вызывая невольную жалость.

— Кто просил тебя ходить без обуви, — Тунтян не удержался и ткнул маленького дракона в

лоб.

Фан Цану шмыгнул носом и уставился на виновника торжества, все еще державшегося воинственно:

— Чего уставился? Смотри у меня, вырву хвост и поставлю в вазу вместо цветов!

Красный маленький павлин попытался снова броситься в атаку, но Тунтян вовремя перехватил его.

— Не желает ли юный принц подумать о том, чтобы стать моим учеником? Во всем мире найдется немного тех, кто посмеет обидеть учеников Саньцина, — мягко произнес Тунтян.

Стоявший рядом Фан Цану презрительно фыркнул.

В конце концов маленький красный павлин похлопал своими бусинами-глазками, подумал и кивнул. Обладая лишь культивацией Золотой Бессмертный, в этом грозящем отовсюду опасностями Хунхуане он неизбежно нуждался в покровительстве сильных мира сего, а Тунтян из Саньцина подходил на эту роль идеально. Жаль только, Куньсюань не знал, что спутником жизни Тунтяна приходился Фан Цану.

Куньсюань кивнул и тут же обернулся в человеческий облик: перед Тунтяном и Фан Цану предстал малыш в красных одеждах, который тут же отвесил Тунтяну ученический поклон:

— Ученик приветствует Учителя.

Тунтян потрепал Куньсюаня по голове, извлек в качестве подарка Пронзающий Сердце Замок, доставшийся ему от Ло Хоу, а затем указал на Фан Цану:

— А это мой спутник жизни. По правилам ты должен звать его...

— Наставником! — выпалил Фан Цану, расплывшись в улыбке и глядя на Куньсюаня с нескрываемым торжеством.

Услышав это, Куньсюань едва не рассыпался на перья: Цзулун и Юань Фэн были ровесниками, а значит, их прямые потомки тоже должны были находиться в равных чинах. С какой стати Фан Цану вдруг взлетел по старшинству?

В конце концов, сжав зубы и затаив обиду в сердце, Куньсюань сквозь зубы выдавил:

— Матушка-наставница.

Фан Цану остолбенел, а потом ухватился за руку Тунтяна:

— Не хочу, я — наставник!

— Матушка-наставница, — тут же повторил Куньсюань.

— Еще раз вякнешь — перья из хвоста повыдергиваю! — разъярился Фан Цану.

Тунтян изо всех сил сдерживал смех: сам так радостно называл Юаньши матушкой, а стоило самому оказаться в роли матушки-наставницы, как сразу взвыл.

— И буду звать! Буду, буду!

Фан Цану уже протянул руку за перьями, но Тунтян перехватил его запястье.

— Чего ты споришь с ребенком? — попытался усовестить его Тунтян.

Фан Цану жалобно посмотрел на Тунтяна:

— Да я и сам вылупил-то совсем недавно!

И, шмыгнув носом, изо всех сил попытался удержать слезы, стоявших в глазах.

В конце концов чаша весов в сердце Тунтяна качнулась, и он обратился к Куньсюаню:

— Уступи ему немного.

Куньсюань замер, глядя на ревущего дракона: неужели так тоже можно было?

А в это время избитые до неузнаваемости, с распухшими лицами, похожими на свиные головы, Цзэинь и Чжуньти вдруг почувствовали неладное.

— Плохо дело, наша с тобой будущая благодать оборвалась! — в ужасе завопил Цзэинь.

Чжуньти, разумеется, тоже все понял и, схватив Цзэиня за руку, помчался туда, где находился Куньсюань.

— Мы пойдем и потребуем ответа!

В пещере Куньсюань в конце концов пошел на уступки, и довольный Фан Цану, великодушно обняв Куньсюаня, вышел наружу.

И тут они нос к носу столкнулись с мчавшимися впопыхах Цзэинем и Чжуньти. Фан Цану приподнял бровь, и уголки его губ взметнулись вверх.

— Ой, какие свиные демоны пожаловали! Да еще и нарядились так забавно.

С этими словами Фан Цану похлопал прижатого к груди Куньсюаня:

— Малыш, сорви-ка с них одежду, разве свиньям пристало носить человеческие наряды?

Едва он договорил, как примчавшиеся стремглав Цзэинь и Чжуньти в мгновение ока остались в одних семейных трусах.

<http://bllate.org/book/21824/2259967>